

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

(Заметки о постановке оперы Доницетти «Лукреция Борджа»
в Варшавском оперном театре)

I

От варшавских кармелитов мне досталась контрамарка в оперу, и я попал на «Лукрецию Борджа» Доницетти.

В опере я не бывал сто лет, в опере варшавской – вовсе никогда, и потому пошел охотно и с любопытством.

О здании театра много говорить не буду: послевоенной постройки, он выполнен с размахом и претензией на роскошь, которая ещё больше подчеркивает недостаток вкуса. Но обустроено удобно, по ярусам развозят лифты, видно отовсюду хорошо – я-то сидел по контрамарке на галёрке! – и замечательная акустика.

Пели по-итальянски, а сверху по-над рампой такое неброское электронное табло с польским переводом в две строки, вполне наглядно. Либретто, впрочем, пересказывать тоже не буду: скажу по совести, что ничего глупее мне в жизни не встречалось. Однако в опере либретто вовсе не главное: чудная итальянская музыка, не первоклассная, конечно, далеко уступает и «Лючии», и «Дону Паскуале» самого же Доницетти, однако вполне приятная, но прежде всего, просто замечательный исполнительский состав! Должен признаться, что «в живую», не в записи, такого прекрасного состава мне слушать ещё не приходилось.

Все пели чудесно, и хор, и солисты, и особенно солистка – красивое драматическое сопрано, и оркестр был на высоте, и на сцене все держались очень артистично, словом – исполнение на полных пять с плюсом!

И это мне тем более приятно, что это – моё последнее впечатление от оперы, как оперы, поскольку, как я думаю, в оперу я больше не пойду никогда, и сейчас объясню, почему.

До вчерашнего вечера я просто себе не представлял, как далеко зашла порча современного мира. Да, гей-парады, да – педераст-мэр Парижа, но всё же это оставалось как-то за пределами ясного сознания: ни гей-парадов, ни мэра Парижа я «в натуре» не встречал. К тому же, гей-парад, он так и заявляется, как гей-парад, никто на нём не притворяется, что это что-то другое, и мэр Парижа, наверное, у себя на работе не сексуальные свои пристрастия выказывает, а делом занимается (но всё-таки, если мэр города содомит, то как назвать сам город? – впрочем, теперь его, может, уже переизбрали, давно я там не был).

Словом, гей-парад это одно, в конце концов, не хочешь, не ходи, и совсем другое, когда идешь ты послушать классическую оперу, а оказываешься участником того же гей-парада, если не хуже: режиссер ухитрился воткнуть в классический сюжет совершенно непристойную мизансцену. Подробностей воспроизводить опять-таки не буду, просто, воспользовавшись тем, что по сюжету у главного героя имеется боевой друг (мужского рода и пола!), режиссер заставляет этих боевых друзей на фоне вполне невинного текста откровенно изображать взаимную страсть.

Каких сексуальных пристрастий держится сам режиссер, судить не берусь: может, он просто конъюнктурщик, но тогда – что за чудовищная конъюнктура!

При этом непристойность мизансцены заключалась не только в гомосексуальности: гомосек ты или нет, но есть такие позы и жесты, принимать и делать которые на людях по-всякому непристойно.

Не буду, однако, изображать политкорректность и говорить, что непристойность зацепила меня больше, чем гомосексуализм, в конце концов, дозволенный законом.

Законом Божиим он осуждается строго и однозначно, и потому туда, где я своим присутствием поддерживаю его хотя бы косвенно, я больше не пойду. До вчерашнего вечера я думал, что для этого достаточно не ходить на гей-парады. Вчера я убедился, что и в оперу тоже. Значит, больше я не пойду и в оперу.

А для тех, кому недостаточно закона Божия, сошлюсь на обыкновенную человеческую логику.

Общепризнано, что Иммануил Кант был одним из величайших умов человечества. И этот ум сформулировал этический принцип, который назвал «категорическим императивом». Он вывел его из рассуждений, не из Божественного Откровения. Вот как звучит этот императив:

«Поступай так, чтобы каждый твой поступок мог сделаться всеобщей нормой».

Т. е. если все вдруг захотят поступать так же, как ты, вреда от этого не будет.

И не надо глупых возражений типа: «Значит, если я захочу поехать вот этим автобусом, и все захотят поехать этим же автобусом, то разве не получится смертельной давки, т. е. беды?»

В том-то и дело, что хотеть я должен ездить не в первом попавшемся автобусе, а в таком, в котором есть для меня место, а если места нет, то я подожду следующего. И если все будут себя вести точно так же, никакой давки не получится. С автобусами, собственно, так оно и происходит в цивилизованных странах.

А теперь представим себе, что выйдет, если все захотят поступать так же, как гомосеки. Человечество вымрет за одно поколение.

Поэтому гомосексуализм равнозначен человекоубийству.

II

Режиссура спектакля мне сразу не понравилась. Обширная пустая сцена, впечатляющие декорации в виде прямоугольных окон в четыре ряда по краям, красивое фиолетово-сумеречное освещение, но посреди сцены ветер гонит как бы два смятых газетных листа, а это нонсенс: не было газет в эпоху Борджа, даже в Венеции, на родине газет, где происходит действие пролога.

Пока я думал, что бы это еще могло быть, кроме газет – не листы же пергамента! – по сцене заходили женщины с ребятишками, в платьях по моде столетней давности, а следом появилась группа мужиков, одетых как на пролетарскую маевку, в таких картузах, знаете ли, и своеобразных пиджаках.

И вот эти «эсдеки» слаженным красивым хором принялись на чем свет стоит поносить страшную злодейку Лукрецию Борджа (а ребятишки на заднем плане при этом стали принимать «пионерские» позы, размахивая авиамоделями).

Ладно, думаю, пока еще пролог, может, они выказывают свой пролетарский гнев по поводу средневековой эксплуататорши, а следом режиссер предпримет эдакий нырок сквозь времена... – Не тут-то было! Из дальнейшего текста сделалось ясно, что действие вот здесь, почти что в наши дни, и происходит, а скоро появилась и сама Лукреция, одетая уже вполне по-княжески, в эдакой длинной мантии.

После антракта эпоха окончательно определилась: по сцене задвигались солдаты в откровенно фашистской черной форме, а главный злодей-герцог принимал типичные позы «а ля Муссолини», и руку возносил в фашистском приветствии, и солдаты тоже и его, и друг друга приветствовали таким же образом.

К чему бы это? Для чего понадобилось переносить действие из романтического «чинквеченто» в тоскливую эпоху дуче Муссолини? – Не сразу, но я понял, в чём тут дело.

Муссолини, как и Сталин, как и Гитлер, как и вся советская власть, гомосексуалистов не жаловал, и, как умел, их преследовал. А это он как раз умел; не так, как Сталин, конечно, но до поры вполне справлялся. И прояснилась задумка режиссёра: ах, тебе гомосеки не нравятся? – Так вот и дуче они не нравились! Понял теперь, кто ты такой? – Хайль-гитлер, вот ты кто!

А что, задумано неплохо! Многие на что угодно согласятся, лишь бы с «хайль-гитлером» в одной компании не оказаться (Сталина бояться почему-то меньше). Поэтому следует разобраться, в чем тут дело.

Гитлер, Сталин, Муссолини и все им подобные не любят гомосексуалистов по самой простой причине: им надо воевать, нужны солдаты, а эти, видите ли, рождаемость подрывают. Ату их!

Сегодня сатане, выходит, война уже нужна не позарез. Как видно, с его точки зрения сегодня уже можно переложить дело истребления человечества в «мирные руки» либералов.